

Владимир ЦЕСИС

НА ЗАДВОРКАХ ИМПЕРИИ

**ДЕТСКИЕ И ЮНЫЕ ГОДЫ
ДАВИДА ЛАММА**

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Владимир Цесис

**На задворках империи. Детские
и юные годы Давида Ламма**

«Алетейя»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Цесис В. А.

На задворках империи. Детские и юные годы Давида Ламма
/ В. А. Цесис — «Алетейя», 2019 — (Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы)

ISBN 978-5-907115-98-9

В автобиографическом романе рассказывается о ребенке, рожденном в день начала Великой Отечественной войны. Читатель познакомится со многими драматическими эпизодами повседневной жизни людей, живущих в огромной стране, пережившей великую трагедию самой бесчеловечной войны XX века. Автор рассказывает, как у героя книги развивается независимый и свободолюбивый характер, как драматические обстоятельства жизни героя ускорили эволюцию его характера.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907115-98-9

© Цесис В. А., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

Предисловие	6
1. Побег от смерти	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Цесис
На задворках империи
Детские и юные годы Давида Ламма

Серия «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы»

© В. А. Цесис, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

* * *

«Есть только два способа прожить жизнь. Первый – будто чудеса не существует. Второй – будто кругом одни чудеса».
Альберт Эйнштейн

Предисловие

Мы живем в мире чудес. В нашей жизни чудеса случаются постоянно: все, что нужно, – это принимать их во внимание. За каждым значимым событием нашей жизни скрывается цепочка чудес – очевидная и не столь уж очевидная. В конце концов, сама Вселенная представляет собой непостижимое чудо. Нам известно множество важных научных фактов, но мы до сих пор не знаем, кто мы, куда идем и откуда пришли.

1. Побег от смерти

Давид Ламм, второй сын в семье, родился в городе Бельцы, что в Молдове, в самый неподходящий для появления день – 22 июня 1941 года, когда фашистская Германия напала на Советский Союз и развернула театр боевых действий Второй мировой войны – войны, которая унесет множество миллионов невинных человеческих жизней. Давид Ламм, как и любой новорожденный, принадлежал к категории самых невинных людей, втянутых в эту войну; выживание таких детей, как он, было не чем иным, как чудом.

Его родители, которым было слегка за тридцать, вместе со своим старшим, девятилетним сыном Витей, были родом с Украины. Самуил Абрамович Ламм, тридцатипятилетний отец Виктора, был кадровым офицером Красной Армии. Впоследствии семья Ламмов обосновалась в городе Бельцы, в Молдове, где они снимали квартиру в центре города. В конце 1940 года Илана, которая была на два года старше своего мужа, забеременела вторым ребенком. За неделю до начала Второй мировой войны в России Ламмы купили дом в городе Бельцы и были готовы переехать, как только его отремонтируют.

Выпущенные в России в 1938 году фильмы «Профессор Мамлок» и «Болотные солдаты» информировали советских евреев о том, что гитлеровские отморозки кипят ненавистью к еврейскому народу и что евреи не должны ожидать пощады от фашистов. В гораздо большей степени, чем обычные граждане, советский офицер Самуил Абрамович понимал, что одной из важнейших целей фашистской Германии была беспощадная зачистка Европы от еврейского присутствия, и он был убежден, что Гитлера ничто не остановит на пути к достижению этой цели.

В тот день звук разорвавшейся бомбы разбудил Самуила и Илану в пять часов утра. Когда они выбежали на балкон своей квартиры, то увидели на горизонте красную дымку от неутихающих взрывов и пожаров от бомбежек немецкими самолетами, летавшими, в основном, над аэропортом города. Для Ламмов начало войны не было неожиданностью, тем не менее, они были страшно шокированы увиденным.

От звуков разрывающихся снарядов и пулеметных очередей у Иланы Львовны начались сильные предродовые схватки. Самуил на мгновение забыл о войне, разворачивавшейся снаружи, и сосредоточился на том, чтобы отвезти жену в родильное отделение 1-й городской больницы, расположенной в трех километрах от дома Ламмов. Сын Самуила все еще спал, когда Самуил, одетый в форму лейтенанта Советской Армии, выбежал из дома на ближайшую городскую площадь, где нанял извозчика, предшественника современного такси. Возвратившись, он разбудил Виктора, помог жене одеться, и все вместе они вышли из дома. Под взрывами, сквозь дым и пожары, через полчаса семья добралась до больницы. В приемной родильного отделения дежурная медсестра сообщила родителям, что на случай бомбардировки больницы пациенты были переведены в импровизированное бомбоубежище в подвале здания.

«Мы обустроим родильный зал в подвале, и доктор Гандельман тут же позаботится о вашей жене», – сообщила Самуилу сестра приемного отделения.

«Илана, милая, послушай внимательно, что я тебе скажу, и не забудь ни одного моего указания, – сказал жене Самуил перед тем, как покинуть ее вместе с Виктором: – Прежде всего, я собираюсь оставить Виктора в безопасном месте с Паскалями, нашими агентами недвижимости, которые помогли нам купить новый дом. У Паскалей есть еще один маленький домик в Цыгании, расположенной в южном пригороде, на холмах по другую сторону Кишиневского моста. Я уверен, что немцы сейчас не будут бомбить эту местность. Во-вторых, поскольку я уверен, что война с немцами продолжится, мне необходимо будет пойти в военкомат, чтобы узнать, к какой воинской части меня припишут. Я сделаю все возможное, чтобы снова тебя навестить. Если я не приду, у тебя есть ключи от обеих наших квартир. В случае, если воен-

ные действия продолжатся, возвращайся домой с новорожденным, заведи Виктора у Паскалей, сложи вещи и пробирайся на железнодорожную станцию. Любой ценой выбирайтесь из города с детьми как можно скорее и двигайтесь так далеко на Восток, как только будет возможно. Я постараюсь увидеться с тобой снова, но не могу этого гарантировать. Помни, что кровавый монстр Гитлер превратил немцев в безжалостных убийц. Он величайшее в мире чудовище; его ублюдки будут охотиться на каждого еврея, до которого смогут добраться. Надеюсь, у тебя будут легкие роды, но как только родишь ребенка и восстановишь силы, покидайте с детьми этот город и двигайтесь как можно дальше от границы».

Из больницы Самуил Абрамович отправился к Паскалям, чтобы оставить у них старшего сына. После этого он поспешил в военкомат узнать о своем военном назначении.

Между тем в подвальном родильном отделении предродовые схватки Иланы становились все сильнее и чаще, и вскоре закономерно привели к родам и родильному залу. Вслед за этим последовала активная фаза родов, и спустя час доктор Гандельман держал на руках первого новорожденного, появившегося в первый день войны. Едва родившись, младенец поначалу отказывался дышать, как будто он колебался, появляться ли ему в этом мире, продуваемом ветрами войны. Доктор Гандельман не разделял это колебание. Привычным движением он шлепнул новорожденного по ягодицам. За этим последовал пронзительный крик новой жизни, который перекрыл звуки взрывов падающих бомб и стрельбы авиационных пулеметов. Как будто забыв о войне, которая бушевала снаружи, медики, присутствовавшие во время родов, на мгновение обменялись улыбками, с незапамятных времен сопровождавшими появление новой человеческой жизни. После благополучных родов Илану вместе с новорожденным младенцем уложили на старую железную койку, расположенную в замусоренном и затхлом углу подвала. После этого усталая «пара», мать и новорожденное дитя, игнорируя новую драматическую реальность мира, наполненную ненавистью и убийствами, погрузилась в глубокий сон.

С начала войны Самуил Абрамович трижды связывался с военным командованием, но решение о его военном назначении каждый раз откладывалось, что позволило ему снова навестить свою жену и новорожденного сына, которого супруги в честь деда по материнской линии назвали Давидом.

На следующее утро после рождения Давида Самуил помчался к Паскалям, чтобы забрать своего сына Виктора и вместе с ним навестить Илану. Хотя Паскали хорошо заботились о мальчишке, Витя, избалованный родительской любовью, чувствовал себя одиноким и брошенным. При виде отца он оживился и пришел в себя. Расстояние от дома Паскалей до больницы было не менее четырех километров. Поскольку общественного транспорта не было, отец и сын вынуждены были добираться до больницы пешком. Тем утром не наблюдалось никаких признаков войны, и на протяжении их долгого пути ни одна бомба не взорвалась. Город казался мирным, приветствуя ранних пешеходов нежными лучами солнца, пением птиц и ласковыми прикосновениями ветра. Покой и умиротворение длились ровно до тех пор, пока они не дошли до городского парка, где к этому времени собралось много людей, которые были заняты подготовкой к смутным временам. Когда Виктор и его отец оказались в центре парка, они услышали звуки самолета, который приближался к месту, где они находились.

«Немецкий самолет! – сказал отец. – Не волнуйся, Витенька. Бежим скорее в кусты, сынок. Все будет хорошо».

Люди искали укрытия в редких кустарниках, среди деревьев и в заросших травой канавах по обе стороны парковой аллеи. Через минуту немецкий самолет, летевший в другом направлении, вдруг развернулся и полетел вдоль главной аллеи парка. Немецкий пилот «развлекался», стреляя из автомата по случайным гражданским любого возраста.

Виктор, который прятался на обочине дороги с отцом, посмотрел в небо и увидел то, чего он никогда не забудет в будущем. Над ним на низком бреющем полете пролетел самолет, в кабине которого он мог четко разглядеть немецкого летчика, на лице которого расплылась

широкая улыбка удовлетворения от убийства невинных людей. Волосы Виктора встали дыбом, и он потерял сознание. Когда мальчик пришел в себя, оказалось, что он лежит на земле. Рядом с ним был отец и неизвестный ему взрослый. Они пытались помочь ему, приподняв голову и обмахивая газетой, они проверяли его пульс и говорили ему успокаивающие слова. Пилот, наслаждавшийся убийством мирных жителей, «получил достаточно удовольствия», и самолет исчез. Садист-пилот, совершая технологическое чудо, символизировал зло, которое сопровождало действия фашистских оккупантов. Технология и мораль – это разные вещи.

В мирное время женщины, родившие ребенка, должны были провести семь дней в родильном отделении со своими новорожденными младенцами. В течение этого времени другим членам семьи, включая мужей, не разрешалось посещать матерей с новорожденными в больнице. Однако в часы войны многие правила были временно отменены, и Самуилу вместе с Витей было разрешено посетить Илану и Давида. Самуил снова напомнил Илане, что нужно будет как можно скорее покинуть город вместе с детьми и направиться в тыл страны. Илана, которая на второй день после родов была еще слишком уставшей, чтобы думать о выписке из родильного отделения, тем не менее, уверяла его, что как только восстановит силы, она сделает то, о чем он просит.

Самуил с Паскалем

Чуть позже в то же самое утро Самуил снова отвел своего старшего сына к Паскалям. Соломон Паскаль задал ему множество вопросов о ситуации в городе и заверил отца, что он и его жена будут заботиться о Викторе. Оставив сына с Паскалями, Самуил Абрамович поспешил на очередную встречу с военным командованием на Старо-Почтовой улице. Он уже направлялся к зданию, но охранник на контрольном пункте у ворот металлической ограды сказал, что его визит пока откладывается на час. Чтобы убить время, он решил пообедать. Офицер не прошел и одного квартала, когда началась новая воздушная атака. Самуил некоторое время был оглушен и дезориентирован взрывами бомб. Когда он пришел в себя и посмотрел в сторону военного комиссариата, то увидел, что здание, которое он покинул всего несколько минут назад, включая металлические ворота, было полностью уничтожено бомбой. В центре бывшего здания зиял кратер, заваленный горами кирпичей, обломков и битого стекла. Самуил побежал обратно в здание и рядом с искореженными металлическими воротами увидел лежащее на земле мертвое тело охранника. Если бы охранник позволил Самуилу несколько минут назад войти в здание военкомата, его бы уже тоже не было в живых.

Глубоко потрясенный этим печальным чудом спасения собственной жизни, Самуил направился к другому – расположенному на Канатной улице – зданию военного комиссариата. По дороге произошла еще одна воздушная атака. И только к полудню Самуил в разодранном и запачканном пальто наконец-то добрался до места назначения. На этот раз ему повезло: военный командир, которого он хорошо знал в прошлом, встретил его в коридоре и сразу пригласил в свой кабинет. Этим командиром был майор Антон Миронович Мостовой; он служил с Самуилом в одной пехотной воинской части в городе Таганроге.

Общаясь с Самуилом, майор Мостовой спросил, где бы тот хотел служить.

«В этом я полностью рассчитываю на ваше решение, товарищ Мостовой, – ответил Самуил, – я офицер пехоты, как и вы, поэтому, полагаю, вы назначите меня в пехотное подразделение».

«Пехота – легкий выбор, Самуил, – ответил Мостовой, – но я помню, что у вас было какое-то образование, не так ли?»

«Да. Я окончил торговое училище в Полонном на Украине. Это упомянуто в моем личном деле, которое находилось в здании военкомата, к которому я приписан и которое было разрушено прямо на моих глазах».

«Забудьте о своем личном деле. Я знаю вас и вполне доверяю вам, товарищ лейтенант. Послушайте, сегодня утром я получил запрос на снабженца в подразделение военных инженеров. Я думаю, что с вашим образованием вы идеально соответствуете этой должности».

«Спасибо, товарищ майор, но я почти ничего не знаю об обязанностях службы снабжения, – возразил Самуил. – Я сомневаюсь, что хорошо справлюсь с этим назначением».

«Не смешите меня, Самуил, – возразил майор. – Поверьте мне, потом благодарить будете. В этой новой специальности нет ничего особенного. Все, что необходимо – это способность вникнуть в дело и творческий подход, а у вас все это есть. Ко всему прочему, вы никогда не будете голодать и в вашем распоряжении всегда будет спирт и табак. Мне кажется, нас ждет долгая и кровопролитная война, и вы будете как нельзя более полезны в службе снабжения в подразделении военной инженерии. Держите приказ о назначении: через два часа вы должны появиться в расположении части, чтобы вступить в должность. 4208-й бригадный инженерный батальон является специализированным подразделением; он расположен сейчас в районе аэропорта. Немцы уничтожили все самолеты, поэтому аэропорта практически не существует, однако инженерный корпус не поврежден. Ступайте сразу туда.

«Товарищ майор, у меня особая ситуация: моя жена только что родила сына. Позвольте мне провести их и попрощаться».

«Я дал вам два часа. Этого достаточно, если вы поспешите», – ответил командующий и отпустил Самуила.

Слова майора были пророческими: в должности начальника службы снабжения Самуил Абрамович участвовал во многих боевых действиях, получал высокие военные награды, а также замечательно справлялся с обеспечением своего подразделения боеприпасами, жилыми помещениями и питанием. Он был дважды ранен, но четыре года спустя – в конце войны – был жив и здоров.

До прихода в расположение назначенной воинской части Ламм успел навестить свою жену; повидать старшего сына он не успел. В больнице он застал Илану с младшим там, где он ее и оставил: на узкой кровати, расположенной в лабиринте подвальных коридоров. Держа Давида на руках, она кормила его грудью.

При виде мужа она положила сына рядом и крепко обняла Самуила. Когда он сказал ей, что направляется в расположение своей воинской части, она заплакала. Самуил утешал ее, уверяя, что «со временем все будет хорошо».

«Как наш сыночек?» – спросил Самуил Илану.

«Он в порядке, не волнуйся, но я очень напугана. Я беспокоюсь о том, что будет с тобой. Я действительно не знаю, как мы выживем: когда ты на фронте, а я с двумя детьми, один из которых только родился. Я все еще слаба и не знаю, когда смогу покинуть родильное отделение. Как мы будем выживать под всеми этими бомбардировками?»

«Мы спасемся. Уверю тебя, любимая. Главное, как только ты окрепнешь и станешь на ноги, сделай то, о чем я говорил раньше. Я тороплюсь в воинскую часть, куда назначен снабженцем. Немцы продолжают бомбить наш город, город продолжает гореть, но в районе холмов, где сейчас живут Паскали, спокойно, словно война еще не началась. Я был там рано утром. Витя ждет, когда ты его заберешь. Чем скорее вы сможете покинуть город, тем лучше. Немцы или румыны могут вскоре занять Бельцы. Мы очень близко к линии фронта.

Я слышал по радио, что вскоре государство организует Центр, который поможет людям найти друг друга. Держи ключи: они от наших квартир, а вот тут все важные документы, которые были в нашем доме. У нас почти не осталось денег после того, как мы купили новый дом, так что я могу дать тебе всего двести пятьдесят рублей. Себе оставляю только двадцать пять. Храните документы и деньги в безопасности. Думаю, лучше всего уехать в Днепропетровск, где живет мой старший брат Арон со своей семьей. Они помогут вам. Если я волей случая окажусь в Днепропетровске, то обязательно увижусь с тобой и детьми. Помни, я люблю тебя

и наших детей больше всего на свете. Будь сильной и поверь мне, милая, все будет в порядке. Мы обязательно победим. Наша страна сильна, а наша армия – лучшая в мире.

Эта война не должна длиться долго, и мы скоро снова соберемся все вместе. Помни, что ты сильная женщина, и ты обязательно спасешь нашу семью. А теперь я должен бежать».

«Самуил, заботься о себе и никогда не забывай нас. Не волнуйся, я сделаю все возможное, чтобы спасти нашу семью. Как только мы устроимся, я приложу все усилия, чтобы найти тебя. Подойди же ко мне, любовь моя, и поцелуй нас с сыном на прощанье».

Супруги крепко, но коротко обнялись. Илана утирала слезы, пока ее муж решительно шагал к выходу.

«Постарайся беречь себя, Самуил, – сказала Илана, не скрывая волнения. – Я позабочусь о нашей семье. Будь беспощаден к врагам, вы сражаетесь за нас».

Самуил кивнул головой и вышел из комнаты.

Неожиданно, на третий день после родов, проснувшись с утра, Илана вдруг почувствовала мощный прилив сил. Она решила немедленно покинуть больницу. Переодев новорожденного сына и покормив его грудью, она позавтракала, в основном, теми продуктами, которые привез вчера ее муж. После этого она сложила все свои скромные пожитки в узелок и попросила медсестру вернуть ей одежду, в которой она поступила в больницу.

Медсестра ответила, что это невозможно, поскольку одежда заперта в шкафу, а ключ от шкафа был только у кастелянши отделения.

«Вчера в дом кастелянши попала бомба. Сами понимаете, какое горе. Надеюсь, днем она уже приедет. Кроме того, – продолжала медсестра, – ваш ребенок слишком мал, чтобы выписывать его из больницы. Вам просто опасно покидать больницу в ближайшие четыре дня».

«Сестричка, дорогая, благодарю вас за совет, но вы забыли, что происходит на улице. Мой муж, офицер, отправляется на фронт, а мой старший девятилетний сын живет у чужих людей далеко отсюда. Я еврейка, и немцы или румыны тут же убьют нас. Речь идет о жизни и смерти. Пожалуйста, не откажите в моей просьбе».

«Ладно, ладно, мамочка, успокойтесь, – примирительно произнесла медсестра. – Я понимаю вас. У меня самой четверо детей. Пожалуйста, не расстраивайте меня, я очень вам сочувствую. Давайте, идите устраиваться с ребенком, но помните, я ничего не знаю о вашем решении. Я соберу для вас дополнительный запас предметов первой необходимости, вот еще мой собственный платок, запасная пара туфель и еще один больничный халат. Это не так уж и много. Надеюсь, вы сможете быстро найти то, что вам нужно. Мир не без добрых людей. Берегите себя».

Было восемь часов утра, когда во время затишья между бомбардировками молодая мать, одетая в два больничных халата, вышла из больницы, чтобы отправиться в долгую поездку на свободу – подальше от человеческой жестокости. На руках она держала своего мирно спавшего, рожденного в неподходящее время маленького сына и небольшой узелок из платка, в котором содержались все необходимые документы и деньги.

25 июня день был солнечный и приятный. Веял легкий ветерок, птицы радостно щебетали, и только разрушенные дома по обеим сторонам дороги напоминали пешеходам о текущей войне. Мощный подсознательный материнский инстинкт, призванный защитить жизнь и будущее семьи, дал Илане неисчерпаемый прилив энергии; она чувствовала, что может преодолеть горы, чтобы достичь своей цели. Ее разум был ясным и трезвым, и она поняла, что для того чтобы добраться до окраины города, где гостил ее старший сын Виктор, ей нужна помощь. Одетая в два больничных халата, с ребенком на руках, выглядела она достаточно странно, но это была война, а во время такого ужасного события как война, главная цель – это выжить. На Ленинградской улице женщина спросила солдата, где она может найти военный комиссариат. Он ответил, что тот находится на Канатной улице и объяснил, как его найти. Следуя его указаниям, с новорожденным сыном на руках, она вскоре вошла в кабинет военного командующего.

«Товарищ командир, меня зовут Илана Львовна Ламм, – сказала она, увидев военного командующего, – мой муж офицер. Его зовут Самуил Ламм. На руках я держу нашего новорожденного сына, которому всего три дня. Я не знаю, где мой муж сейчас, в казармах или на пути к фронту. Пожалуйста, помогите мне. Я хочу немедленно покинуть Бельцы, а затем отправиться дальше, как можно дальше от границы. Проблема в том, что когда я была в больнице, для безопасности мой муж оставил нашего девятилетнего сына Виктора с почти незнакомыми людьми на окраине города Бельцы, в пригороде Цыгания. Я очень измучена, и каждая минута для меня теперь драгоценна. Пожалуйста, вы можете отправить своих солдат, чтобы найти моего старшего сына Виктора и привести его сюда? Я родила ребенка всего три дня назад и не могу сделать это сама, поскольку я все еще теряю кровь. Пожалуйста, помогите мне, товарищ командир».

К ее неподдельному удивлению командир улыбнулся ей.

«Успокойтесь, дамочка, – сказал он, – я понимаю вашу проблему. Не беспокойтесь, мы поможем вам, сделаем все, что нужно, чтобы найти вашего сына. Позвольте представиться. Майор Мостовой. А улыбаюсь я потому, что только вчера разговаривал с вашим мужем. И именно я назначил вашего мужа на должность начальника службы снабжения. Я хорошо знаю Самуила Абрамовича: он служил под моим командованием на таганрогской военной базе».

Командир вышел из комнаты и вернулся с тремя солдатами. Илана, как могла, объяснила им, где они могут найти Виктора. Когда солдаты ушли, она нашла в зале уединенный уголок, где покормила и переодела своего младшего сына. Илана волновалась все сильнее: время шло, а солдаты не возвращались. Прошло еще десять минут, и ее буквально бросило в дрожь: что будет, если солдаты не смогут найти ее сына?

К счастью, она ошибалась: через двадцать минут ожидания дверь распахнулась, и в комнату вошли трое солдат с выражением исполненного долга на лицах. Один из них держал за руку Витю.

«Вот ваш сынок, мамаша, – сказал он. – Трудно было искать его в этой части города, но в конце концов мы его нашли».

Виктор подбежал к матери и крепко обнял ее со слезами на глазах.

Гора упала с плеч Иланы: ее старший сын найден. Перед тем, как покинуть военный комиссариат, она постучала в дверь кабинета майора Мостового. Получив разрешение, она вошла в кабинет с обоими детьми и поблагодарила его за помощь.

«Не стоит благодарности, Илана Львовна, – ответил майор, – я рад, что мы нашли вашего сына. Что вы собираетесь делать теперь?»

«Мне нужно как можно скорее отправиться на вокзал, и я сделаю все возможное, чтобы выбраться из города на первом попавшемся поезде. Я боюсь немцев, и поэтому направляюсь прямо к железнодорожному вокзалу. У меня даже нет времени, чтобы зайти домой. Я должна спасти своих детей. Я знаю, что вы меня понимаете».

«Вы поступаете правильно, Илана Львовна. Я помогу вам, поскольку железнодорожная станция находится слишком далеко отсюда. Вы уже потратили слишком много времени, пока искали Виктора. К счастью для вас, один из моих грузовиков будет ехать в том направлении, так что вы скоро доберетесь туда. Я уверен, что вы голодны, поэтому держите этот пакет: я даю вам однодневный офицерский паек и вот еще двадцать рублей из моего бюджета. Всего вам доброго!»

Илана, которая практически ничего не ела сегодня, с благодарностью приняла этот драгоценный дар. Перед тем как покинуть здание, она вынула из пакета кусок хлеба. Часть его она дала Вите, а часть взяла себе. Оба ели жадно, подбирая падающие крошки. Остальную еду Илана тщательно упаковала. Кто мог знать, что случится дальше?

Когда грузовик прибыл, Илана с новорожденным уселись в кабине машины, а Витя взобрался в кузов.

* * *

Огромные толпы людей пытались выбраться из города, спасаясь от немецкого агрессора. На железнодорожной станции Илана стала свидетелем массовой эвакуации тысяч и тысяч мирных жителей, поток которых с того дня будет умножаться с каждым днем. Граждане с багажом, в основном, мешками всех размеров, ютились в каждом уголке железнодорожной станции, а Илана была практически с пустыми руками. Все билетные кассы были закрыты.

«Мне нужно купить билет. Где это можно сделать?» – спросила Илана железнодорожника, человека в униформе, которого она узнала по красному околышу на фуражке.

«Билеты не требуются, гражданочка, – ответил он. – Это военное время. Садитесь в любой поезд, который движется на восток. Я впервые сталкиваюсь с такой ситуацией, но, как вижу, вы с детьми. Все поезда переполнены, но я уверен – в вашем конкретном случае, с детьми, особенно с маленьким ребенком, люди впустят вас».

«Товарищ дежурный, как я могу добраться до города Проскурова (теперь это город Хмельницкий)? Рядом с ним находится городок Черный Остров. Мой муж, офицер, порекомендовал мне поехать в Днепропетровск, но думаю, мне лучше поехать в Черный Остров, где живет моя мать. Я побуду там с ней и со своими родственниками, они мне всегда рады, а потом приму решение в зависимости от обстоятельств. Я думаю, что это хороший выбор. Скажите, пожалуйста, что мне делать?»

Дежурный по станции вытащил из кармана расписание поездов и сообщил Илане, что есть вероятность, что в час ночи пассажирский поезд пройдет в направлении Котовского вокзала, где ее семья сможет пересесть на поезд, который доставит их в Проскуров.

Через месяц Илана узнает, что после ее отъезда из города Бельцы оставалось еще девять дней до прихода румынских и немецких войск, но она никогда не сожалела о том, что уехала раньше, потому что иначе она оказалась бы среди огромного потока беженцев, что могло помешать ее успешному исходу из горящего города.

Позже она узнала, что румынские и немецкие силы безопасности убили или депортировали большую часть евреев в городе Бельцы, а также во всей Бессарабии – регионе в Восточной Европе, ограниченном рекой Днестр на востоке и рекой Прут на западе. Во всей Бессарабии осталось только около 200 евреев.

В то время, когда поезд до Котовска должен был прибыть на платформу, там собралась огромная толпа беженцев. Все они держали в руках чемоданы, сумки и мешки. И только Илана, одетая в два больничных халата, была практически ни с чем. Обхватив сверток с Давидом и держа за руку Витю, она подошла к толпе, когда поезд остановился. Впервые она узнала, что люди остаются людьми в любых обстоятельствах. Она не произнесла ни единого слова, однако толпа расступилась перед ней, позволив добраться до железнодорожного вагона.

Позже, проехав почти пять тысяч километров в длительном путешествии по территории Советского Союза, Илана, вспоминая о своих многочисленных приключениях во время долгого путешествия, никогда не утверждала, что это она спасла свою семью, она считала, что это был ее младший сын Давид. Новорожденный был неписанным мандатом, защищавшим всю семью. Всякий раз, когда люди видели женщину с маленьким ребенком, существом с розовыми щеками и красными губками, мирно посапывающим в свертке, они демонстрировали свои лучшие человеческие качества и позволяли матери найти место в безопасной части вагона.

«Граждане, пропустите мамашу с ребеночком», – эта фраза сопровождала семью Ламмов на протяжении всего путешествия.

Даже в такой драматической ситуации, в какой оказалась Илана со своими детьми, проницательный наблюдатель мог найти элемент чуда: ведь герой истории родился в нужном месте и в нужное время. В нужном месте, потому что Давид родился среди людей с добрыми серд-

цами, и в нужное время, потому что, если бы не он, маловероятно, чтобы молодая женщина с девятилетним сыном могла безопасно совершить путешествие длиной в 4500 километров до солнечного Узбекистана среди орд испуганных людей в хаосе войны.

Благодаря тому, что они первыми вошли в железнодорожный вагон, Илане удалось быстро найти относительно удобное место для своей семьи на скамейке или на полу. Там она передела младшего и накормила обоих, и к тому моменту, когда переполненный поезд отправился в путь, ее семья погрузилась в глубокий безмятежный сон.

Когда Илана проснулась утром, пред ее глазами предстал красивый и мирный вид из окна; поезд двигался так далеко от линии фронта, что создавалось впечатление, будто война в стране еще и не начиналась.

В то славное утро поезд пришел на станцию Котовск. Мать со своими детьми покинула поезд и направилась к главному железнодорожному зданию. Она была приятно удивлена, увидев на платформе столы и стулья; страна отреагировала на войну активным милосердием. В ожидании беженцев на столах стояли тарелки с бесплатной горячей пищей. Еще один момент чрезвычайно упростил жизнь матери Давида. Это был важный элемент цивилизации, который помог ей перенести путешествие с новорожденным в гораздо более комфортных условиях: не только на этой станции, но и на всех других железнодорожных станциях – больших и малых – была доступна горячая вода, кипяток, который помимо всего прочего помог обеспечить беженцам удовлетворительную гигиену. Илана Львовна и Виктор воспрянули духом, особенно после того, как впервые за несколько дней смогли подкрепиться прекрасной горячей едой из трех блюд: борщом, котлетами с картофельным пюре и компотом.

На Котовском вокзале произошло еще одно событие, которое можно было бы интерпретировать как чудо и которое спасло жизни семьи Ламмов.

Закончив трапезу и пополнив тем самым запас энергии, Илана с детьми отправилась к киоску справочного бюро, в котором работал дежурный в фуражке с красным околышем. Когда она постучала, он открыл маленькое окно киоска. Быстро объяснив ему ситуацию, Илана спросила, когда она может сесть на поезд в направлении города Проскурова.

Железнодорожный работник принадлежал к категории тех, кого Бог поцеловал в макушку, к тем, у кого есть внутренний импульс помогать людям. Он открыл окно пошире.

«Женщина, дорогая, подумайте, что вы делаете, – сказал он ей. – Очевидно, вы просто не знаете, что происходит вокруг. Согласно газетам, радио и другим средствам массовой информации, немцы продвигаются в направлении того района, куда вы хотите ехать. Забудьте о своем Проскурове, немцы скоро будут там. Даже не думайте туда направляться, особенно с ребенком. Слушайте внимательно: в полдень мы ожидаем поезд на Днепропетровск. Возьмите вот это. Я не могу быть с вами в тот момент, но я дам вам специальный пропуск. Это позволит вашей семье быть одними из первых, кто сядет в поезд. По этой карточке также полагается хлеб на всем протяжении следования».

Слова железнодорожного служащего были пророческими. Если бы не он, Иланы и ее детей не было бы в живых. Спустя годы после окончания войны, в 1950 году, семья Ламмов посетила Черный Остров. Во время этого визита Илана смогла осознать всю ценность совета своего ангела-хранителя на станции Котовск. Страшная судьба ждала ее семью, если бы она не послушала его. И правда, во время своего визита она узнала, что немцы оккупировали Черный Остров в начале июля 1941 года. Очень скоро вместе с местной украинской полицией расстрельные отряды Германии среди других еврейских жителей убили около тридцати членов большой семьи Иланы. Немецкие солдаты изнасиловали ее младшую сестру, Клару, военную медсестру. Семидесятилетняя мать Иланы, увидев весь тот ужас, который они творили с ее дочерью, схватила нож и насмерть заколола очередного насильника. За этот героический поступок немецкий офицер приговорил старуху к смерти через повешенье. К тому времени, когда был вынесен приговор, защитница дочери уже потеряла рассудок, но и это не поме-

шало наказанию. Слово «милосердие» отсутствовало в словарях фашистов, принадлежавших народу, который дал человечеству Баха и Бетховена, Шиллера и Гете.

Для Иланы с детьми посадка на поезд в Днепропетровск прошла очень легко благодаря пропуску, предоставленному железнодорожным служащим. Более того, во время этой поездки семья Ламмов имела возможность спать не на полу, а на полках.

Поезд, на который сели Ламмы, был относительно комфортным, и согласно русской традиции, которая существует до сих пор – проводник принес пассажирам по стакану чая с небольшой долькой лимона. Наслаждаясь горячим чаем и краюшкой хлеба, Илана вспомнила кошмар прошлых дней и неудержимо заплакала. Здесь она оказалась почти раздетой, без мужа, потеряв все, но, несмотря на это, она была со своими детьми на движущемся острове цивилизации. Она подумала о том, что, вероятно, есть шанс, что она и ее дети переживут войну и ее семья вернется к нормальной жизни. Она решила, что ничто не сможет помешать ей спасти жизнь ее детей.

Рано утром поезд добрался до Днепропетровска. В справочном бюро, киоск которого находился на железнодорожной станции, Илана узнала, что Арон Абрамович Ламм, ее шурин, живет в трех километрах от железнодорожного вокзала.

После долгой дороги с детьми усталая Илана в конце концов добралась до дома своего близкого родственника. Это было одноэтажное здание с небольшим палисадником во дворе, а не большое типично городское здание. Дверь открыла жена Арона Абрамовича, Фрида Давыдовна. Как и Илане, ей было хорошо за тридцать. В женщине с двумя детьми, которая стояла перед ней в больничных халатах, она не могла узнать своей родственницы.

«Вы кто будете? – спросила она. – Сегодня я уже подавала беженцам. Идите своей дорогой».

«Фрида, ты меня не узнаешь?» – спросила Илана, с трудом сдерживая слезы.

«Ох, Иланочка, мне так жаль. Ведь я и в самом деле тебя не узнала. Что с тобой случилось? Вы, что ли, из тех военных беженцев? Я вижу, у тебя ребеночек на руках, поздравляю!»

«Спасибо, Фрида. Это мой новорожденный сын. Его зовут Давид. Он родился в первый день войны. Что касается Виктора, ты видел его два года назад. Фрида, мы убегаем от немецкого наступления. Вероятно, они уже в Бельцах, – объяснила Илана, – я покинула больницу, не дожидаясь выписки, и так торопилась, что у меня даже не было времени попасть домой, чтобы переодеться. Вот почему я здесь в такой странной одежде. Я покинула Бельцы с детьми на руках, и кроме документов, куска хлеба и двух картофелин, у меня ничего с собой не было. Мне повезло, что, по крайней мере, Самуил снабдил меня всеми документами».

Входная дверь открылась шире, и на пороге появился шурин Иланы Арон Абрамович Ламм. Арон был на пять лет старше своей жены. За руку его держал шестилетний сын Миша, мальчик чуть ниже среднего роста, с красивым лицом, на котором застыло серьезное выражение. Илана знала, что Арон работал учителем в химическом техникуме. Было очевидно, что он услышал часть разговора.

«Иланочка, дорогая, заходи. Добро пожаловать. Поздравляем с новорожденным! Как жаль, что он родился в такое страшное время! Расскажи, как дела у моего младшего брата?»

«Что же с ним будет? Он ушел на фронт. Полагаю, их еще будут перегруппировывать, но на самом деле, я понятия не имею, где он. Я покинула Бельцы три дня назад и приехала сюда двумя поездами. При нашей последней встрече вы сказали, что я обязательно должна приехать в Днепропетровск, чтобы пожить с вами, вот я и приехала».

«Конечно, конечно, – ответил Арон. – Заходи. Располагайтесь в спальне моего сына и почувствуйте себя как дома».

Илана была рада пожить со своими близкими родственниками. У Фриды был приблизительно тот же размер одежды, что и у ее незваной гостьи, поэтому Илана наконец смогла избавиться от своих больничных халатов и переодеться в обычные вещи.

После того, как гости помылись, настало время для доброй семейной трапезы. А вслед за ужином, в ходе которого ее участники обменялись известными им новостями о военной ситуации, обе семьи отправились спать.

Пока Илана со своими детьми готовилась ко сну, через тонкую комнатную перегородку до нее доносились звуки горячей дискуссии между ее шурином и его супругой, но изрядно измученная хаосом последних трех дней, она сразу уснула. Ее уставшие дети также были спокойны и безмятежно спали в течение всей ночи.

Утром вся семья уселась за столом, покрытым белой скатертью. Во время еды взрослые возобновили обсуждение текущих событий. В конце завтрака Аарон прочистил горло и сказал Илане, что он должен сообщить ей что-то важное.

«Не обижайтесь, дорогая Илана, – начал Аарон, – но вы должны понимать, что в этот критический момент нам нужно думать о выживании не только вашей семьи, но и своей. К сожалению, утренние новости не слишком радуют. Немцы продвигаются по всем фронтам. Вчера ты сказала нам, что, по словам моего брата, нацисты – беспощадные убийцы и кровавые монстры. Поздно вечером мы с Фридой решили, что мы и сами должны подумать об эвакуации. Техникум, где я преподаю, планируют эвакуировать отсюда на восток, и как учитель, я должен сопровождать учащихся. К счастью, у нас относительно много времени для этого. Пожалуйста, не поймите меня неправильно, Илана, но мы с Фридой обязаны позаботиться о своей семье, и мы искренне желаем вам всего наилучшего. Вчера мы с Фридой думали, что вы можете остаться с нами, раз уж это необходимо, но сегодня решили, что пребывание с нами не принесет вам ничего хорошего. Мы считаем, что для вас будет правильнее, если вы отправитесь со своими детьми в эвакуационный пункт. Один из этих пунктов расположен на улице Короленко в школе, не слишком далеко отсюда, я там когда-то преподавал. Там вас включают в Программу поддержки беженцев, поддерживаемую государством, и, без сомнения, учитывая то, что у вас новорожденный, они как можно скорее эвакуируют вашу семью. Вы сейчас в ужасном состоянии, так что вот вам тридцать рублей. Мы не думаем, что вам нужна дополнительная одежда, потому что если они увидят, что вы одеты получше и имеете при себе некоторый багаж, то могут не поверить, что вы настоящие беженцы. Не говорите им, что у вас есть родственники – они откажутся принять вас и отправят вас к нам. Я знаю, что в этих переселенческих пунктах они предоставляют беженцам всю необходимую помощь для эвакуации».

«Итак, вы хотите, чтобы я покинула ваш дом. Вы этого хотите?» – недоверчиво спросила Илана.

«Да, Илана, мы хотим, чтобы вы ушли от нас как можно скорее. Сегодня утром я вышел на рынок рядом с эвакуационным пунктом, и знакомый рассказал, что он еще не достаточно заполнен, поэтому они предоставят вам все необходимое. Имеет смысл идти туда с детьми, пока пункт еще не переполнен. Там вы будете находиться под государственной опекой».

«Арон, ради моего новорожденного сына, можешь ли ты позволить нам провести еще пару дней в вашем доме? Я сомневаюсь, что у них в эвакуационном пункте будут все необходимые удобства, которые есть в вашем доме. Позвольте моей семье побыть с вами еще хотя бы пару дней», – попросила Илана.

«Забудь об этом доме, – повысил голос Арон. – Мы готовимся покинуть город, и вы должны очистить помещение. За оставшееся до эвакуации время нам нужно продать дом, мебель и многое другое. Я уверен, что вы не хотите, чтобы моя семья покинула дом голыми и босыми, как это случилось с вами. Мои рекомендации к действию наилучшим образом отвечают интересам обеих наших семей. Кроме того, пока я еще не выехал из Днепропетровска со своим техникумом, власти могут мобилизовать меня на строительные работы. Так что давайте не откладывать – расстанемся прямо сейчас, Илана».

Его невестка молчала. Ничто из того, что она могла бы сказать, не могло изменить требование ее родственника «очистить помещение». Она почувствовала себя преданной.

Через некоторое время Илана ушла, держа на руках Давида. Виктор схватился за ее руку. Арон, который «любезно» предложил сопровождать ее в эвакуационный пункт, нес ее маленький узелок с документами, деньгами и некоторой одеждой, подаренной Илане Фридой.

До пункта эвакуации добрались за тридцать минут. Прежде чем мать с детьми вошла в здание, Арон оставил их, потому что, как он сказал, для семьи Иланы будет лучше, если в пункте не узнают, что у нее есть родственники из местных.

Илана не успела еще и рта раскрыть, как работники-беженцы с искренним энтузиазмом поприветствовали ее с детьми.

«Поскольку вы первые в нашем пункте с таким маленьким ребенком, мы предоставим вам отдельную комнату на первом этаже», – сказал молодой краснощекий работник.

Сразу после регистрации семье была выделена комната, небольшая, но чистая и с высокими потолками. Единственной мебелью в комнате были стол, стул, две кровати и тумбочка. Туалет и кухня были в коридоре, недалеко от комнаты. Через некоторое время медсестра принесла предметы личной гигиены для Иланы.

«Как мне повезло», – подумала Илана, когда кормила грудью своего маленького сына. Еще вчера даже в самых смелых мечтах она не могла представить, что у нее может быть отдельная комната и она может быть окружена хорошими заботливыми людьми. Теперь она была в убежище, не голодна и далека от смертельной опасности.

На следующее утро Витя играл в коридоре со своими новыми друзьями, Илана кормила грудью маленького Давида, чей аппетит, надо признать, был весьма выдающимся, когда кто-то постучал в дверь. Она открыла дверь, впустив трех неожиданных посетителей, представившихся как семья Жуковых. Мать семейства звали Юлией, а двух ее дочерей – Раисой и Зоей. Они были добровольцами, которые предложили свое покровительство семье Ламмов. Для семьи Иланы они принесли одежду, для Виктора – книги, и самое ценное: маленькую ванночку, где через час Давида впервые по-настоящему искупали. Впоследствии почти каждый день, вплоть до последнего дня пребывания Ламмов в Днепропетровске, Жуковы, еще одни ангелы-хранители на ее долгом пути, сделали все возможное, чтобы помочь Илане.

Однажды утром Илана вспомнила, что у ее младшего сына все еще не было свидетельства о рождении: в кошмаре первых дней войны не было возможности его получить. В сопровождении семьи Жуковых она обратилась к нотариусу, взяв с собой детей. Следуя правилам, нотариус написал в свидетельстве о рождении Давида, что он родился в Днепропетровске, а не в Бельцах. Таким образом, Давид стал законным гражданином Украинской Социалистической Республики.

На седьмой день пребывания семьи Ламмов в эвакуационном пункте семья Жуковых привезла с собой подержанную детскую коляску, и обе семьи отправились на прогулку. Когда они возвращались в эвакуационный пункт, Виктор внезапно указал в сторону двух мужчин, которые направлялись в их сторону: один из них был в форме офицера, а другой в штатском. Увидев их, офицер активно замахал им, а затем побежал в направлении Иланы и ее подруг, что-то выкрикивая на бегу.

Чем ближе подбегал офицер, тем большее волнение охватывало Илану: может быть, это ее муж? Да, это он! С ним был его старший брат Арон.

«Иланочка, Иланочка, это я, твой муж, Самуил!» – услышала она знакомый голос.

Да, это тот, кого она мечтала увидеть больше всего на свете. Удерживая в одной руке своего новорожденного сына, Илана обняла отца своих детей. Они поцеловались так, как будто не виделись много лет.

«Ты упал с неба, Самуил? Как вы оказались здесь? Посмотри на своих детей!» – почти кричала Илана, пока муж целовал детей.

«Я не могу в это поверить. Слава Богу, ты жива и здорова, я так счастлив, – сказал Самуил. – Моя воинская часть все еще находится в процессе перегруппировки. Мы проходили

мимо Днепропетровска, и командир моего батальона разрешил мне отъехать на двенадцать часов, чтобы найти вас. Поэтому, в первую очередь, я пошел к Арону, который сказал мне, что вы решили, что для вас будет лучше, если вы остановитесь в эвакуационном пункте. Не беспокойся обо мне. Я в порядке. Мы еще не участвовали в боевых действиях. Надеюсь, скоро наши командиры отправят мою воинскую часть на фронт. Пойдем в ваше общежитие. Я принес с собой хорошие продукты для тебя и детей».

Незабываемая встреча длилась около двух часов.

«Если немцы продолжат наступление, – сказал Самуил, – не сиди и не жди. Бросай все, что у тебя есть, и как только сможешь, беги с детьми на восток. Я не знаю своего адреса на данный момент. Смогу узнать его только тогда, когда моя воинская часть получит назначение. Командование фронтом сообщило нам, что правительство организует государственный справочный центр, где члены семьи смогут найти друг друга. Отправишь туда письмо, и я сделаю то же самое. Не беспокойся обо мне. Я знаю, что нужен тебе и нашим детям, поэтому останусь в живых. Поверь мне».

«Самуил, не волнуйся за Илану и детей. Мы с Фридой сделаем все возможное, чтобы убедиться, что у нее будет все необходимое», – вмешался Арон, который даже ни разу не навещал Илану.

«Я уверен, что вы это сделаете», – сказал Самуил, пристально глядя ему в глаза.

Илана не плакала, когда расставалась с мужем. Только вытерла одну или две слезинки, когда Самуил со своим старшим братом оставил ее. Она знала, что больше никогда не увидит Самуила, но теперь она должна сосредоточиться на объекте своей главной ответственности, своих детях. Супруги расстались вне пункта эвакуации. Не имея представления о том, что готовит ей грядущий день, Илана стояла с двумя детьми посреди улицы, махая рукой постепенно исчезающей фигуре ее преданного друга, ее мужа, которого она больше никогда не увидит. Виктор стоял рядом с матерью, вытирая глаза кулаками.

На следующий день воздушные налеты противника стали более частыми и длинными; даже не слушая радио, было ясно, что противник продвигается в направлении Днепропетровска. Сотрудники эвакуационного пункта собрали жителей в главном зале и объявили им, чтобы они были готовы самостоятельно переезжать в тыл страны. Через три дня пункт проинформировал семью Ламмов и наиболее уязвимых беженцев – больных, стариков и женщин с детьми – что на следующий день они будут доставлены на железнодорожную станцию, где каждая семья или гражданин должен будет выбрать собственный маршрут эвакуации. Эвакуационный пункт пообещал предоставить каждому из них свидетельство, удостоверяющее, что его владелец действительно является беженцем, которому нужна помощь в обеспечении продуктами питания, жильем и транспортом. Эвакуационный пункт рекомендовал беженцам отправляться в Узбекистан, где климат теплый и где условия для переселения обещали быть наиболее благоприятными. Жуковы, которые продолжали посещать Ламмов два-три раза в неделю, одобрили такую рекомендацию.

«Мы не сможем уехать с тобой, Илана, поскольку завтра еще должны быть дома, – сказала Юлия Жукова. – Запиши наш нынешний адрес, и наши соседи отправят ваше письмо на наш новый адрес, когда мы устроимся», – сказала она, провожая женщину с детьми.

Позднее письма Иланы никогда не находили семью, которая так помогла ей в трудные времена.

К настоящему моменту, благодаря Жуковым и эвакуационному пункту, у Иланы был необходимый минимум одежды для детей и для себя. Хотя она была рациональной женщиной, «на удачу» она взяла с собой и больничный халат из родильного отделения, в котором она родила Давида. Она решила расстаться с ним, только когда доберется до конечного пункта своего назначения.

На следующий день грузовик доставил первую группу беженцев на железнодорожную станцию. Полупустая прежде станция теперь была переполнена толпами людей, большинство из которых тащили с собой багаж.

Дежурный железнодорожный служащий сказал Илане, что для того, чтобы добраться до Андижана, крупного города в Узбекистане, она должна сделать первую пересадку на донецком вокзале. Первый поезд на Донецк по расписанию должен был отправляться на второй день, но из-за приоритета, предоставляемого военным поездам, запланированный поезд в донецком направлении был отменен. Позже начался воздушный налет, и железную дорогу бомбили. Все, кто был на платформе, искали убежище. К счастью, воздушный налет длился недолго, и почти сразу на платформу станции снова высыпало множество людей.

Илане сутки пришлось ожидать поезда в Донецк в главном зале железнодорожной станции. В конце дня, когда Илана услышала сообщение о прибытии поезда, она отправилась на платформу вместе со своими детьми. Люди плотно стояли рядом друг с другом, пытаясь убедиться, что они смогут сесть на поезд. Большинство беженцев на платформе два дня ждали этого поезда в Донецк, ожидая возможности отправиться вглубь страны. Когда Илана подошла к толпе с обоими детьми, ей показалось, что она не сможет протиснуться сквозь толпу плотно прижатых друг к другу человеческих тел. Однако здесь, как и раньше, не успевала она открыть рот, как люди расступались перед ней, словно море перед Моисеем и его людьми. В это сложное время люди придерживались традиции помощи матерям с детьми. Услышав неподалеку от себя такие знакомые ей крики: «Пропустите женщину с детьми», она вскоре оказалась впереди толпы на краю платформы. Поезд в Донецк прибыл в 6:30 вечера. Он состоял не только из обычных пассажирских вагонов, но и из теплушек.

Основной тип вагонов на российских железных дорогах предполагал конструктивную возможность быстрого его переоснащения из обычного грузового вагона в теплушку – такая конструкция существовала еще с 1917 года. С тех пор они использовались для массового перемещения людей, в первую очередь войск, и, если необходимо, животных – и так до самого 1953 года. Вагоны-теплушки были оснащены двух- или трехъярусными койками. Для изоляции снаружи использовался слой войлока; пол был сделан двухслойным – с зазором, заполненным опилками. Двери и окна были также изолированы, а в центре вагона стояла чугунная печь. Один вагон вмещал сорок человек, но во время войны число людей в одном вагоне нередко превышало шестьдесят.

Окутанный клубами дыма поезд, выпуская пар, медленно приближался к платформе. В ожидании борьбы за место в поезде толпа подошла к краю платформы так близко, как это только было возможно.

Поезд остановился, и проводник поезда медленно открыл дверь вагона изнутри, в то время как дежурный по станции и солдат с винтовкой рядом с ним протиснулись к двери теплушки.

Проводник вагона посмотрел на лист бумаги, который держал в руках, и закричал во все горло: «Товарищи пассажиры, мы заполнены до предела. Попробуйте другие вагоны; у нас нет ни одного места».

«Вам лучше сразу сказать, сколько дополнительных пассажиров вы сможете разместить», – сопровождаемый солдатами дежурный по вокзалу спросил об этом голосом, не допускающим каких-либо возражений. – Пойдите и проверьте. Быстро».

Проводник исчез и вскоре вернулся.

«Мы можем разместить не более четырех человек, и даже это слишком много для нас».

«Посадим к вам пятерых. Женщина с двумя маленькими детьми, – он кивнул Илане. – Садись. И еще два человека, беременные, с детьми или инвалиды».

Без всяких возражений со стороны пассажиров Илана со своими детьми вошла в теплушку.

Появление женщины с двумя маленькими детьми, один из которых был совсем младенцем, не могло быть проигнорировано пассажирами теплушки, и очень скоро одна добрая душа пригласила семью занять более-менее удобное место под вагонным окном, где в грузовом вагоне раньше были боковые люки.

Илана покормила грудью малыша и съела с Витей по бутерброду из двух кусочков хлеба с тонким слоем маргарина между ними, которые она захватила из Днепропетровска. В одном из углов вагона она обнаружила сокровище: кучу соломы. Часть ее она разбросала по полу вагона и покрыла ее потрепанной тряпкой, устроив спальное место для себя и своих детей. В качестве подушки она использовала больничный халат, свой талисман в этом путешествии.

Поскольку в эти дни приоритет в железнодорожном движении принадлежал поездам с военными и военной техникой, поездка в Донецк проходила гораздо дольше, чем в мирное время, когда поезд мог доехать до Донецка за четыре часа. Теперь поезд долго останавливался на больших и малых станциях, а чаще всего – посреди степи. Поезд прибыл в Донецк через два дня. Пассажиры в поезде не были голодны: на любой средней и большой железнодорожной станции на платформах были доступны столы с едой. В основном, еда для транзитных пассажиров состояла из овощных супов, хотя иногда в этих супах можно было найти куски мяса, и различных каш. Из напитков были кисели, фруктовые компоты и чай.

Поток беженцев постоянно увеличивался; когда семья наконец добралась до Донецка, вся платформа станции была заполнена людьми до такой степени, что было невозможно найти пустое пространство. Донецкий комендант станции сказал Илане, что для того, чтобы добраться до Узбекистана, она должна сначала сесть в поезд до Сталинграда (ныне Волгоград), который должен был прибыть в три часа ночи.

«Не волнуйтесь о том, чтобы занять место в поезде, – успокаивал он Илану, – люди всегда позволят женщине с маленькими детьми сесть в вагон. Это не просто слова. Я вижу это ежедневно».

Власть Донецкой железной дороги сделала все возможное, чтобы облегчить передвижение большого потока беженцев с запада. Разработанный Гитлером и его приспешниками план операции «Барбаросса» был похож на план вторжения в Россию, разработанный Наполеоном в 1812 году. Оба плана не учитывали не только героизм русских воинов, но и русские зимы и невероятно обширную территорию.

Пока на Восточном фронте шли ожесточенные бои, на улицах Донецка царили тишина и покой. По прибытии Илана и Виктор смогли подкрепиться тремя простыми, но аппетитными блюдами на платформе станции. Затем они побродили по окрестностям железнодорожного вокзала. Когда Илана с детьми вышла наружу, был приятный теплый день. После короткого поиска Илана нашла хорошее место для отдыха: тенистая травянистая лужайка на небольшой площади рядом со станцией. Лежа на теплой шелковистой травке, семья обрела освежающий покой.

Посадка на поезд до Сталинграда прошла без приключений. Единственное, что к этому моменту войны движение по железной дороге стала более интенсивным, и поезд Иланы простаивал на станциях намного дольше, чем во время предыдущих поездок. Поскольку на железнодорожных станциях еда и горячая вода были доступны, никто не жаловался.

* * *

Вся поездка семьи Ламм до Узбекистана продолжалась более месяца. Замечательно, что путешествие проходило в теплое время года. Если бы это была зима, путешествие было бы намного сложнее. В течение всего путешествия Илана замечала, что большинство людей, которых они встречали на своем пути, самостоятельно, без вмешательства властей, помогали тем, кто был слаб и неспособен сесть в поезд, и часто делились с ними своей едой и одеждой. В

случае с такими семьями, как Ламмы, люди повсеместно демонстрировали свое человеческое понимание тяжелого положения молодой женщины с маленькими детьми. Илана была удовлетворена тем, что, хотя и медленно, она приближалась к последней точке своего путешествия, что позволит ей спасти своих детей от рук убийц Гитлера. Семья спала на железнодорожных станциях, на платформах, в грузовых вагонах, в тепловых и пассажирских вагонах, на открытом воздухе и на голой земле, и, как ни парадоксально, ни один из них, включая младенца, не болел.

Для Иланы – до конца ее дней – время эвакуации станет одним из самых важных событий в жизни. Много лет спустя, когда Давид стал взрослым, мать неустанно рассказывала ему истории об эвакуации. В конце концов, Давиду наскучили эти рассказы. И только достигнув зрелого возраста, Давид смог понять драму, которую пережила его мать, когда без особых средств, только усилиями собственной воли, она смогла преодолеть бесчисленные препятствия и спасла жизни своих детей. Мысль о том, чтобы бросить детей, как это, к сожалению, случилось с некоторыми женщинами во время войны, никогда не приходила ей в голову. Кроме того, выживание ее семьи не было бы возможно без помощи совершенно незнакомых людей, которые, следуя зову своих сердец, смогли подняться выше привычного безразличия и эгоизма в этих трудных ситуациях. Наличие бесплатного питания и горячей воды на станциях позволило Илане сэкономить почти все деньги, которые она хранила с тех пор, как покинула Днепропетровск; она потратила не более пятидесяти рублей, главным образом на одежду и подгузники для своего младшего сына. Тогда в ходу были тканевые подгузники, которые затем стирали и много раз использовали повторно, пока не приходило время их выбросить.

Последний этап путешествия Илана преодолела на грузовом поезде. Семье повезло не попасть под дождь; небо было безоблачным, а дни стояли сухие и теплые.

В конечный пункт назначения, Андижан, поезд прибыл посреди ночи. Прежде чем Илана с детьми покинула вагон, она убедилась, что ничего не забыла. Станция была ярко освещена. Давид и Виктор были сонными и уставшими, Илана же, напротив, была полна надежд и высоких ожиданий. Она легко нашла чистое и сухое пространство на полу железнодорожного вокзала, и семья быстро заснула.

Когда Витя проснулся, уже наступило утро. Он открыл глаза, посмотрел на мать и едва смог ее узнать. Она молчала, но по ее бледному лицу текли слезы. На его вопрос, почему она плачет, она ответила, что когда она проснулась, то обнаружила, что когда они спали, вор украл все их деньги. В один момент все драгоценные сбережения Иланы исчезли. К счастью, карманник не взял документы.

Железнодорожный служащий, к которому Илана с детьми пришла жаловаться, выразил свое сожаление и сказал ей, что в эти трудные времена на станции полно карманников.

«Пожалуйста, будьте осторожны в будущем, – сказал он. – Вот, держите это».

Он вынул из кармана свой кошелек, взял деньги и отдал их Илане, которая забыла свою естественную гордость и приняла такой ценный для нее подарок.

«Плохие вещи случаются, уважаемая, но все будет хорошо, добро пожаловать в Узбекистан, – сказал служащий перед ее уходом. – К счастью, сейчас группа эвакуированных собралась на площади перед зданием железнодорожной станции. Идите туда со своими детьми, и специальный грузовик отвезет вас вместе с ними в местный пункт эвакуации».

Действительно, через полтора часа на площадь прибыл военный грузовик. Как это случилось и раньше, Илана с детьми была первой, кто занял место. Никто не возражал, когда водитель предложил Илане сесть с детьми в кабину машины.

Когда грузовик прибыл в эвакуационный пункт, расположенный в бывшей гимназии, пассажирам было предложено разместиться на скамейках снаружи и ждать своей очереди. Это был конец августа, когда лето все еще было на пике, что позволяло людям не беспокоиться о верхней одежде, что было совсем не плохо для тех, кто оказался бездомным и без гроша

в кармане. Илана смогла забыть о недавней потере средств к существованию; она была счастлива, что теперь находилась в месте, где ее не оставят без посторонней помощи. Она сидела на скамейке, слегка усталая и похудевшая, с Давидом на коленях, но все равно была красивой, с широко открытыми карими глазами и черными волосами, развевающимися на ветру. Надежда на хороший исход после несчастий последних месяцев вернулась к ней. Ее лицо светилось выражением удовлетворенности человека, достигшего своей цели. Впервые с начала войны она пела своим детям русские и украинские песни.

Было уже три часа дня, когда семью Ламмов вызвали на собеседование. Главный зал эвакуационного пункта напоминал потревоженный шумный улей; у многих было напряженное выражение на лицах. Будущее многих семей и отдельных людей решалось именно в стенах этого здания.

Служащей, занимавшейся устройством Ламмов, была женщина средних лет, которая выполняла свою работу с самоотверженностью и вниманием. Она с искренним уважением и сочувствием отреагировала на рассказ Иланы. И все было гладко и многообещающе до тех пор, пока служащая не попросил Илану показать ей документ, подтверждающий, что ее муж находится на действующей военной службе. Илана ответила, что этого документа у нее нет. Служащая объяснила ей, что пока она не получит документ, свидетельствующий о том, что Илана является женой офицера, она не получит права на улучшенные продовольственные пайки и финансовую помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.